

Михаилу Барышникову
Классический балет есть замок красоты, чьи нежные жильцы от прозы дней суровой пиликающей ямой оркестровой отделены. И задраны мосты.

Как славно ввечеру,
вдали Всея Руси,
Барышников зреть.
Талант его не стерся!
Иосиф БРОДСКИЙ.

Несколько лет назад в парижском кафе неподалеку от парка Монсо состоялась моя встреча с Михаилом Барышниковым. Накануне он танцевал в Брюсселе, где я его безуспешно пытался разыскать по телефону. Потом Миша позвонил мне сам и назначил свидание.

Он не хотел, чтобы наша беседа превратилась в интервью, и в течение часа мы говорили про все и про вся, перескакивая с одной темы на другую, — о делах русских, о балете, поэзии, в частности, об Иосифе Бродском, с которым Барышников дружен.

До этой встречи мне приходилось видеть его только на сцене и в нескольких фильмах. Раньше в облике Миши, как мне тогда казалось, было что-то пасторально-есенинское, легкая сентиментальность, мягкость и обаяние. Он напоминал мне прекрасных принцев и одновременно героев русских сказок, «брatца Иванушку» в изображении Васнецова.

Обаяние в Барышникове, разумеется, осталось. Но вместе с тем чувствовались сила и твердость характера, которые, видимо, он приобрел, проходя сквозь заокеанские воды, огонь и медные трубы. Мне показалось, что романтик превратился в реалиста.

...В 1974 году Михаил Барышников стал вторым — после Рудольфа Нуриева — величайшей «звездой» российского балета, который решил остаться на Западе. Оба танцевали в ленинградском Кировском театре оперы и балета все ведущие партии. Оба были причислены к лику величайших танцоров не только современности, но и всей истории. Оба вышли за рамки балета, не без успеха выступая на театральной сцене, снимаясь в кино и даже — как Нуриев — дирижируя оркестром.

Барышников по-прежнему не любит говорить о том, почему во время гастролей в Канаде решил не возвращаться домой. Однажды он рассказывал, что в Торонто, у раскрытого окна в гостинице, его вдруг посетил нечто вроде откровения, которое и толкнуло на сей для него самого неожиданный поступок. Правда, пресса писала, что в Торонто его ждала невеста Кристиана Берлин, дочь бывшего директора газетной корпорации Херста.

— Я знал, что буду жалеть об этом шаге, — скажет потом Миша. — Ибо я оставил своих друзей, свою публику, театр, Ленинград, самый красивый в мире город.

Барышников всегда говорил о том, что «выбрал свободу» по причинам сугубо артистическим. Мише казалось, что дома все происходит слишком медленно. Он выступал раз в неделю, а новый балет ставился раз в год. Жизнь же танцора, по его словам, горит, как свеча, и никогда не знаешь, сколько лет тебе осталось еще танцевать. Самое ужасное для артиста балета,

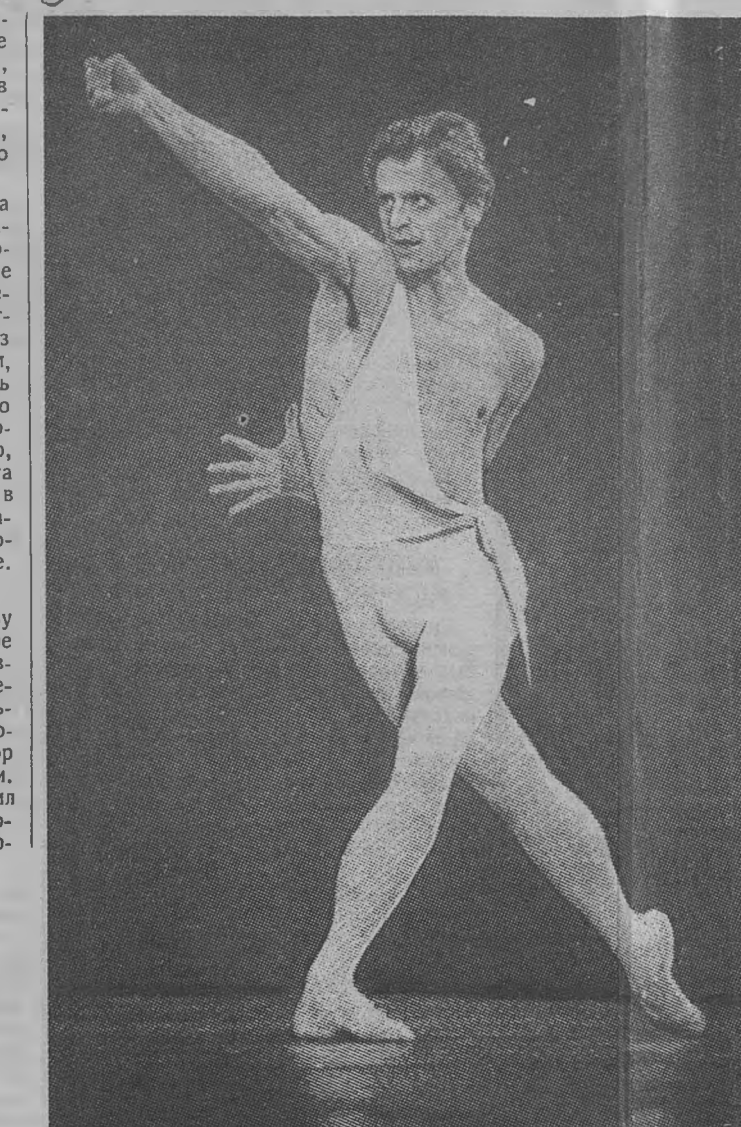
достигшего 40-летнего возраста, в том, что, обернувшись назад, он увидит, что не состоялся, не исполнил те партии, которые хотел.

Возможно, были и другие причины, те, о которых сказала Наталья Макарова, которая вскоре последовала «примеру» Барышникова: «В России быстро учишься молчать из-за страха, даже если и болясь вроде бы нечего. Это становилось тради-

замечательное и жестокое место для становления, где все надо решать самому. Наверное, и у него случались сомнения в правильности выбора. По крайней мере, Нуриев говорил мне, что Барышников подумывал о возвращении домой.

Вскоре произошла встреча Барышникова с Джорджем Балланчиным, руководителем Нью-Йоркского балета, которой не суждено было стать «исторической». Для знаменитого хореографа, в 1924 году уехавшего из России, Миша — как, впрочем, и все остальные — был лишь одним из «инструментов» в его постановках. Но другой выдающийся американский хореограф, недавно скончавшаяся Марта Грэхэм, писала: «Миша вошел в мою жизнь как Божий дар. Наши пути пересеклись после того, как он остался на Западе. Он был само совершенство».

Если в России Барышникову приходилось танцевать четыре раза в месяц, то в США и в Европе — пять-шесть раз в неделю. Он выступал в удивительных балетах Марты Грэхэм, постановки которой до сих пор остаются у нас неизвестными. Француз Ролан Пети поставил для него «Пиковую даму», в которой он исполнил партию Гер-

«ЖИЗНЬ

мана. На сцене парижской Оперы он танцевал в «Баядерке», «Дон Кихоте», «Жизели».

В течение 10 лет Барышников возглавлял Американский балетный театр (АБТ). Он отказался от ежегодного директорского жалования в 400 тысяч долларов, получая вместо этого символический доллар. Правда, при этом ему щедро платили за постановки и выступления.

Его постановки оценивали по-разному. Мне тем и нравятся Соединенные Штаты, говорит Миша, что здесь придерживаются противоположных мнений в отношении того или иного балетного спектакля. Нью-Йорк пребывает в постоянном движении. Но опасность заключается в том, что стоит один-два раза провалить спектакли, как хореограф выбывает из игры, окатывается не у дел, и никто уже ему не закажет новой постановки.

В ряду поклонников великого таланта русского танцора — чета Рейганов. Сам президент в одной из московских речей сказал: «Мы в Соединенных Шта-

есть. Но мое становление произошло в этой стране и в этом обществе.

Насколько я понимаю, Миша не собирается ехать в Россию и сейчас. Отчасти потому, что там, дома, остался в памяти Барышников, который уже мало что имеет общего с ним, кем он стал. «Объяснять же себя сегодняшнего слишком долго и трудно, — говорит он. — Да и сам я этого не знаю».

Порой в западной прессе его называют Дон Жуаном. А вот что говорит о нем Иосиф Бродский:

— Барышников — человек исключительно остроумный... Он читает так же, как другие курят, — постоянно... Миша знает больше стихов из русской поэзии наизусть, чем я... В жизни он одинок и полагается на свою интуицию... У него потрясающая способность впитывать в себя все новое.

Я думаю, что Моцарт был похож на него. Они родились в один день (27 января). Я никогда никого не встречал в жизни, в ком так же переплетались светлое и трагическое начала.

Жизнь танцора горит, как свеча, и после 40 лет возможности самого выдающегося мастера начинают все быстрее таять. Для него в класси-

играли, скажем, Жерар Филипп или Дасти ХOFFман, то зрители бы ничего не поняли.

У Барышникова в Соединенных Штатах, по всей видимости, развилась коммерческая сметка. В магазинах появились одежда, туалетная вода, духи, носящие его имя: «Миша» — для женщин. «Барышников» — для мужчин.

Порой в западной прессе его называют Дон Жуаном.

А вот что говорит о нем Иосиф Бродский:

— Барышников — человек исключительно остроумный... Он читает так же, как другие курят, — постоянно... Миша знает больше стихов из русской поэзии наизусть, чем я... В жизни он одинок и полагается на свою интуицию... У него потрясающая способность впитывать в себя все новое.

Я думаю, что Моцарт был похож на него. Они родились в один день (27 января). Я никогда никого не встречал в жизни, в ком так же переплетались светлое и трагическое начала.

Жизнь танцора горит, как свеча, и после 40 лет возможности самого выдающегося мастера начинают все быстрее таять. Для него в класси-

который во Флориде на территории огромного парка «Уайт оук» («Белый дуб») — с озерами, прудом, лебедями и прочими представителями фауны — выстроил здание-студию для труппы Барышникова.

Миша получил возможность творить в идеальных условиях. Он набрал в свою труппу 15 известных и не очень молодых танцоров — от 25 до 40 лет, ярких личностей. Он хотел работать с небольшой группой единомышленников, которых связывают дружеские узы, преданность, дисциплина и стремление служить искусству.

Поразительно, но Барышников, еще недавно лучший в мире танцор, утверждает, что классический балет его больше не интересует. Сегодня «Жизель» кажется ему невообразимо скучной, и всю жизнь танцевать одну лишь классику было бы для него сплошной пыткой.

В целом же эволюция классического балета, по мнению Барышникова, являет собой печальное зрелище. Легкость художественных обменов последних десятилетий, к сожалению, привела к стиранию «граней» между национальными школами и стилями.

Большой и Кировский театры катятся вниз, парижская Опера пребывает в состоянии стагнации. Причина тому — отсутствие выдающихся хореографов,

техническом отношении он не связан с большими трудностями. Главное — это состояние духа. Знаменитый хореограф Мерио Кэннингэм, которому 72 года, и сейчас потрясающе выглядит на сцене. Чтобы тронуть сердца зрителей, совсем не обязательно совершать высочайшие прыжки и пируэты. Трудность заключается в том, чтобы найти соответствующую хореографию.

Такой резкий поворот в судьбе и в карьере Миши удивил многих. Едва ли это нормальная траектория, соглашается Барышников, но разве я отношусь к числу нормальных людей? Наталья Макарова, которая выступала вместе с Барышниковым в АБТ, называет его человеком нашего времени и очень сложной натурой. Несмотря на головокружительный успех, его, в сущности, нельзя считать счастливым, говорила Макарова, но, может быть, именно поэтому Миша и стал великим мастером.

Юрий КОВАЛЕНКО, соб. корр. «Известий», Париж.

НА СНИМКАХ: М. Барышников среди победителей I Международного конкурса артистов балета в Москве, 1969 г. (крайний слева); в современном и классическом репертуаре.

Фото Леонида Жданова и ТАСС.

ГОРИТ, КАК СВЕЧА»

русский танцор снова попадает в Россию после того, как самолет, на котором он летел в Японию, совершает вынужденную посадку в бывшем отечестве. Ему предлагают вернуться на сцену Кировского, где его партнером будет американский негр, который дезертировал во время вьетнамской войны и потерял веру в американские ценности. Каждый пытается обратить другого в свою веру. В конце концов побеждает русский, и оба танцора бегут на Запад.

Три года назад Барышников вышел на театральные подмостки — сыграл в пьесе «Метаморфозы» по Ф. Кафке в постановке Романа Поланского. (В Париже в пьесе эту роль сыграл сам режиссер). Отмечая его виртуозную игру, критика писала, что он поразительным образом передает человеческие страдания.

Театр и балет, подчеркивает Барышников, совершенно разные виды искусства. В балете всегда преувеличивают чувства. Поэтому, если бы в «Жизели»

русский танцор снова попадает в Россию после того, как самолет, на котором он летел в Японию, совершает вынужденную посадку в бывшем отечестве. Ему предлагают вернуться на сцену Кировского, где его партнером будет американский негр, который дезертировал во время вьетнамской войны и потерял веру в американские ценности. Каждый пытается обратить другого в свою веру. В конце концов побеждает русский, и оба танцора бегут на Запад.

Три года назад Барышников вышел на театральные подмостки — сыграл в пьесе «Метаморфозы» по Ф. Кафке в постановке Романа Поланского. (В Париже в пьесе эту роль сыграл сам режиссер). Отмечая его виртуозную игру, критика писала, что он поразительным образом передает человеческие страдания.

Театр и балет, подчеркивает Барышников, совершенно разные виды искусства. В балете всегда преувеличивают чувства. Поэтому, если бы в «Жизели»

способных вдохнуть в труппу созидательный дух.

Получится ли это у Барышникова? Он совершает сейчас европейское турне со своей американской балетной труппой «Уайт оук», давая по несколько представлений в разных городах Старого континента. В Париже ее принимали неважно. Особенно критика, которая на страницах прессы устроила разнос постановкам Барышникова.

Выдающийся танцор «жестоким разочаровал» строгих балетоманов на берегах Сены, где в свое время было выпущено немало ядовитых стрел в адрес Дягилева и некоторых его спектаклей.

Один особо придирчивый критик отмечал в постановках Барышникова, с одной стороны, «хореографическую бедность и наивность», а с другой — присущий американцам, но непонятный европейцам «непоглощающий оптимизм». Недоумение вызвала и программа гастролей. «Щелкунчик» по сравнению с показанным в Париже балетом Пола Тейлора «Волшебник из Оз», утверждала пресса, выглядит кантовской «Критикой чистого разума».

Да и появление самого Миши — как его продолжают называть во Франции — на сцене театра Шанз-Элизе, где семь десятилетий назад проходили Русские сезоны, сопровождалось ироническими упреками. В балете «Десять положений» Миша, писала газета «Мондо», одетый в розовую пижаму, исполнил странноватое соло некоего Пьеро, во время которого он играл с обручем, шляпой, лентой. Впрочем, делал он все превосходно, демонстрировал виртуозную технику и разнообразие стилей.

Словом, тот современный балет, который привез сюда Барышников, в Париже не поняли. Себя я не причисляю к тонким ценителям Мельпомены и поэтому от собственных оценок воздержусь. Однако переход от классического танца, где Барышников был величайшей звездой, к современному, по всей видимости, не обошелся без потерь.

— Я распрошлся с классическими и романтическими ролями, — говорит Барышников. — Для меня это пройденный этап. Современный танец по сути своей очень демократичный. В